

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Бушков, Александр Александрович.

Б94 Темнота в солнечный день / Александр Бушков. —
Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-109794-3

Эта история произошла в те далекие романтические, вызывающие грусть и ностальгию 70-е годы.

Дружили три товарища: Костя, Митя и Коля. Работали разносчиками телеграмм на почте, гоняли на мотоциклах. Выпивали, дрались, впутывались в нехорошие дела, убегали от милиции и, конечно, влюблялись.

В этот день Мите Нестерову повезло: ему выпало доставить телеграмму очень красивой зеленоглазой девушке Марине. Она пригласила его в комнату пить чай. Оказывается, они когда-то оба жили в одном городе. У Марины скоро новоселье. У нее большая библиотека, которую девушка мечтает прочитать. И все у нее прекрасно в этой жизни. Кроме одного: она совершенно слепая, и жизнь ее проходит во тьме. Ей предстоит операция, и есть шанс, что зрение вернется. И тогда Марина сможет увидеть Митю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109794-3

© Бушков А.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Никогда никому не говори, что в молодые годы ты был глуп и смешон. Ты говори: был легковверен, был искренен, был свободен, был добр, был на первом дыхании.

В. Маканин.
«На первом дыхании»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Флейты голос нежный

Если углубиться в историческо-ботанические дебри, областной город Аюкан на деревья был небогат.

Еще лет пятьдесят назад тут была голая степь со скудной травой, так что овец здесь особенно не пасли, а потому и никакого коловращения жизни не наблюдалось. Старинные тропы торговых караванов, куда ни глянь, проходили далеко в стороне. После революции стало гораздо оживленнее: сначала по этим местам гонялись за красными партизанами колчаковские казаки, потом за белыми партизанами будущий детский классик Аркадий Гайдар, а с ним красные кавалеристы, но не те, про которых былины речистые вели рассказ. Война с партизанами в степи — дело скучное и неромантическое, а потому гайдаровцев былины речистые вниманием обошли. Равно как и историки с краеведами и даже писатели, хотя пашенка вроде бы была хлебная, о гораздо более скучных делах Гражданской иные ловкачи ухитрялись нечто наваять, иногда толстое и даже получавшее разные советские премии за идейную выдержанность. Ходили, правда, темные слухи, что к полусотенной годовщине Великой Октябрьской шустрые пионеры отыскивали вполне себе бодрого ветерана Гражданской, не достигшего еще и семидесяти, и сдали его классику аюканской литературы Пильчичакову. Тот, не будь дурак, нацелился было к упомянутой годовщине создать нечто эпохальное (когда это к годовщинам за эпохальное не давали премии?), взял бутылку

Александр БУШКОВ

хорошей водочки и поехал к деду на казенной «волжанке». Сели, выпили. Улучив подходящий момент, классик Пильчичаков задушевно спросил:

— Ну, расскажи, дедушка, как ты с красными воевал?

Дедушка бесхитростно и ответил:

— Дык как? А просто. Залегли это мы в распадочке, а тут оне в верхами, человек шесть. Ну, атаман скомандовал: «Пли!» Все краснюки у нас с коней мигом и кувыркнулись. Там с имя девка была в красном платочке, в кожане. Ну, мы ж не звери в девку-то стрелять, мы под ней коня хлопнули, а саму живьем взяли. Ладная была... — И крепкий дедушка ухмыльнулся очень мечтательно, как бывает с людьми, вспомнившими что-то приятное.

Классик Пильчичаков срочно ретировался, оставив недопитую водку. Поскольку с тех удалых времен прошло чуть ли не полсотни лет, дедушке ничего не сделали, разве что не дали юбилейную медальку, а ведь совсем было собирались, трудовая биография-то у него была длинная и внушительная. А впрочем, все это темные слухи, которые партийные товарищи указали считать одной из уток радиостанции «Свобода». Кто бы с ними спорил? Им всегда с горы виднее.

В общем, полсотни лет назад всё изменилось самым решительным образом, когда раскрепощенным революцией народам и народностям в компенсацию за угнетение от царизма стали раздавать кому автономные области, кому даже автономные республики. Обитавшие в здешних местах сагайцы по малочисленности на республику не потянули и удостоились лишь автономной области (правда, и в ней составили лишь процентов десять населения, но это были уже аполитичные детали, широко не оглашавшиеся).

Всякая приличная область, автономная она или нет, обязана, соответственно, иметь областной центр. Самое подходящее место отыскалось лишь в Аюканской степи, где столицу одним махом и возвели. Получилось не так уж плохо, благо в ходе строительства в моду вошли архитектурные излишества. И деревьев за эти полвека насадили некоторое

количество. Не особенно много, но все-таки, так что на степь это уже никак не походило.

С течением времени парков в стотысячном городе образовалось целых два. Один — официальный, с капитальной оградой, танцплощадкой, тиром, летним кинотеатром, качелями-каруселями, ларьками, директором и штатом работников. Была еще городошная площадка, но к семидесятым годам городки как-то незаметно, плавненько вышли из моды, и там поставили столбы под навесами для шахматистов, доминошников и любителей шашек. Получилось очень удобное местечко для любителей приносить с собой и распивать, но вот таких старательно гонял патрульный милиционер. Ибо здесь в некотором смысле очаг культуры, и нефиг.

Имелся и второй парк, неофициальный, натурально дикий. Располагался он, так уж случилось, всего-то в паре минут неспешной ходьбы от центра города, по недлинному кварталу то ли из семи, то ли из восьми пятиэтажек хрущевской постройки.

(Центром города, как полагается, считался обком партии, солидное здание с вымощенной красивой плиткой площадью перед ним. Посреди оной сидел высоченный мраморный Ленин (копия кремлевского памятника), с неотрывным отеческим прищуром взиравший на обком. По поводу этого монумента давно втихомолку гулял анекдот. Шли однажды ночью пьяные работяги и спросили: «Ильич, а что это ты задом к народу повернулся?» Ильич охотно ответил: «В народе-то я уверен, а вот с этих, в обкоме, глаз спускать нельзя...» Гуляли еще слухи, что пару лет назад кто-то ночью написал у Ленина на спине красной краской: «Ильич, проснись!» Но если такое однажды ночью и случилось, утром от надписи не осталось и малейшего следа.)

Дикий парк состоял из двух прямоугольников длиной метров по пятьсот и шириной этак в двести, окруженных и разделенных по торцам асфальтированными двухрядками. По аюканским меркам тамошний лесочек был самой натуральной чащобой — одна погуще, вторая гораздо реже. От-

куда чашоба взялась, толком неизвестно. То ли ее еще до войны на очередном субботнике утыкали молодыми саженцами комсомольцы-беспокойные-сердца, то ли, что вероятнее, лесок сохранился (и явно был изрядно урезан) еще со времен пустой степи — никак нельзя сказать, что она была вовсе уж безлесная. Никто, в общем, исторической точностью не заморачивался.

К тридцатилетию Победы тот прямоугольник, где лесок был гораздо реже, преобразился до неузнаваемости. В центре поставили памятник с Вечным огнем — солдат славянского облика с воздетым знаменем и сагаец с ручным пулеметом. Сагаец, как положено представителю малого народа, был ростом пониже и малость поуже в плечах брата-русака, но тоже выглядел браво. Уже после установки монумента обозначилась пикантная деталь: если продолжить метров на двести воображаемый маршрут атаки, выходило, что оба героических воина ринулись штурмовать винный магазин, расположенный всего-то через дорогу от парка. Над этим посмеивались и те, кто относился к Отечественной со всем уважением, — да и те, кто воевал сам. Моментально родился и опять-таки потаенно гулял в народе другой анекдот: «Говорит русский сагайцу: я подержу пулемет, а ты за бутылкой сбегай». Власти предпочли сделать вид, что ничего не заметили, — не поворачивать же памятник в другую сторону? Даже винный магазин не убрали. Вымостили плиткой немало дорожек, поставили красивые скамейки без спинок — так что получилось культурно. Алкаши с бутылками там более не появлялись — редколесье отлично просматривалось насквозь с любого места любой дороги, в том числе, разумеется, и из машин спецмедслужбы, собиравшей урожай для вырезвателя...

По инерции, очевидно, покусились было окультурить и второй парк. Однако ограничились тем, что провели во всю длину неширокую асфальтовую дорожку, окаймленную редкими фонарями. Тем дело и кончилось. Все остальное так и красовалось в прежней неприкосновенности — тро-

пинки, чашобки из деревьев и высоких кустарников. Жители пятиэтажек, выходявших окнами на длинные стороны прямоугольника, сошлись во мнении, что лес опаскудили.

Гораздо большее одобрение вызвало другое свершение городских властей — на свободном от деревьев уголке стали устраивать новогоднюю ёлку с разнообразными ледяными горками. Молодые родители водили туда свою мелюзгу, там паслись и школьники всех калибров, и вполне себе взрослые парни с девушками. Хотя туда сходились соколы из нескольких окрестных районов, частенько меж собой враждовавших, как-то быстро возникла и устаканилась неписаная традиция: в отличие от танцплощадки в городском парке, на ёлке не драться. Ну, разве что иногда, когда особенно невтерпеж или столкнулись нос к носу вовсе уж непримиримые компании...

И вовсе уж горячее одобрение всего окрест обитающего народа вызвало другое культурное нововведение: в теплое время года, пока не лежал снег, на место будущей елки регулярно привозили «корову», как ласково звали двухколесную цистерну с пивом. Чтобы ее не спутали с молоком, на ней большими буквами так и написали — ПИВО. А впрочем, не будь надписи, любой наделенный житейским опытом издали догадался бы о содержимом: когда это возле цистерны с молоком стояла густая очередь представителей исключительно мужского пола, снабженных любой мыслимой тарой? По части тары русский народ, как и во многих других случаях, проявил нешуточную изобретательность: заявлялись не только с трехлитровыми банками и канистрами, но и с графинами, ведрами, вообще всем, что подходило в качестве емкости. Однажды компания молодежи, видимо не найдя ничего другого, пришла с корытом. Которое потом, полнехонькое, несли так бережно, как не всякая мать носит младенца. Светофора на том перекрестке не имелось, но перед корытоносителями с обеих сторон притормозили машины и даже автобусы — все мы люди, все человеки.

Большая часть купленного пива изничтожалась здесь же, в лесочке. Вообще, оставшийся диким лесок был гран-

диозной распивочной под открытым небом, куда чем ближе к вечеру, тем больше стекалось компаний разнообразного возраста. Нужно непременно добавить, что по некоему неисповедимому выверту природы вытрезвительские машины лес почти не навещали, хотя уж там-то урожаем могли собрать богатейший, куда там знатным комбайнерам.

Ближе к полуночи пьяные компании, как правило, кто разбрехался, кто расползался. Лесочком завладевали парочки, плававшие романтическими и не особенно чувствами, но местом для уединения не располагавшие. Тут уж единообразия не было: где ограничивалось поцелуями и вольностями руками, где, в местечках погуще, на расстеленных куртках романтическое общение происходило уже гораздо более по-взрослому.

Автор с чувством выполненного долга покидает страницы романа, чтобы никогда уже более не вернуться. Место действия он обрисовал, пусть и скупо, декорации, в которых оно не раз будет происходить, обозначил, так что со спокойной совестью может удалиться, освободив сцену героям, двадцатилетним сынам своего времени образца одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года, конца лета. Кажется, это был определяющий год тогдашней пятилетки. А может быть, решающий. По ушедшей в небытие традиции тех времен каждый год пятилетки обязательно каким-то был: то определяющим, то решающим, то еще каким-то. Признаться, эти тонкости автор по давности лет запомнил, да они и вряд ли интересны читателю, даже тому, кто это время не хуже автора помнит...

Теплой вечерней порой они шагали от магазина к Дикому Лесу, по своему району, хозяйской походочкой — неторопливой и уверенной. Как писали в учебниках литературы об Онегиных-Печориных и прочих персонажах — типичные представители своего времени. Существенная разница в том, что их, в отличие от Маши и Дубровского, не проходили в школе и вряд ли когда-нибудь будут проходить. Никто о них в жизни не напишет романа (по край-

ней мере, достойного включения в школьную программу). Если рассудить, оно и к лучшему: иные подробности их веселой и безбедной жизни, попади они в роман, живо заинтересовали бы в первую очередь участкового Карпухина, а им такая радость была совершенно ни к чему...

Они шагали — Костя по кличке Батуала, Митя по кличке Доцент и Коля по кличке Сенька. В последнем случае кличка давным-давно стала прямо-таки именем: фамилия у него была Сенников, и соответствующую кличку он заработал еще в пятом классе, да так и прилипло. Частенько новые девочки и новые кенты¹ далеко не сразу и узнавали, что Сенька — это не имя. Имя он и сам чуточку подзабыл...

Они шагали. На троих — шестьдесят лет, три аттестата зрелости², три военных билета и один комсомольский, три мотоцикла, две собаки, три мамы, один отец, два младших брата и одна младшая сестренка. В данном конкретном случае — еще гитара и два огнетушителя³ «Шипучего».

Навстречу попалась такая же компания — только с тремя чуваками шла еще и девчонка. Все четверо — насквозь незнакомые на рожи, но что тут поделаешь, если район, хоть они в нем и прочно держали мазу⁴, был не тупик, а сквозняк?⁵ Вообще-то это еще ничего не значило, имелся законный повод до чужаков докопаться: если уж идешь по чужому району, иди по тротуару со стороны проезжей части, а не по дворам мимо подъездов, как эти вот залетные. Иначе в два счета плюх заработаешь. Но они сегодня никак не собирались за-

¹ К е н т — скорее друг, чем просто приятель.

² А т т е с т а т з р е л о с т и — в те времена официальное название свидетельства о среднем образовании.

³ О г н е т у ш и т е л ь — бутылка вина емкостью 0,7 л (но не всякого, а такого, что разливалось в бутылки из-под шампанского). *Здесь и далее молодежный сленг 70-х годов прошлого века.*

⁴ Д е р ж а т ь м а з у — контролировать район.

⁵ Т у п и к — городской район, обычно окраинный, где «чужие» появлялись редко. Соответственно, с к в о з н я к — район, где посторонние проходили часто.

ниматься примитивной махаловкой, культурная программа была задумана мирная. А потому прошли мимо, как мимо пустого места, наметанным глазом отметив, что залетные держатся чуточку скованно — понимали, что к чему...

— А бикса у них ничего, — сказал Батуала.

— У нас не хуже, — сказал Доцент.

— Истину глаголешь, отче...

Они свернули вправо, меж торцами домов, вышли к неширокой асфальтированной дороге, за которой и начинался Дикий Лес.

— Вот те нате, хрен из-под кровати... — сказал Батуала, глядя влево. — В шесть часов ехал, еще не было...

Слева меж фонарными столбами красовался новенький, хорошо натянутый транспарант: «ДОСТОЙНО ВСТРЕТИМ 60-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!»

— И до Великого Октября — как до Китая раком, — прокомментировал Доцент.

— А поскорее бы, — мечтательно сказал Сенька.

— Ничего, — заключил Доцент. — Мы свое первого сентября возьмем. Правда, не та охапка будет, но все равно месяц хлебный...

Двое остальных с этой святой истиной молчаливо согласились. Такая уж у них была специфика работы, не знавшей «красных дней календаря». Пахать в праздники приходилось, как Папе Карло. Но в претензии никто не был, наоборот: в хлебные месяцы, то есть отмеченные самыми знатными праздниками, они зарабатывали самое малое раза в полтора больше обычного (хотя и в остальные месяцы получали поболее советского инженера). Так что Седьмого ноября ждали, как соловей лета, — как и Восьмого марта, Первого и Девятого мая, Дня Советской армии и Военно-морского флота и особенно — новогодних праздников. Да и первое сентября в этом плане денежку приносило неслабую.

(Еще следует уточнить: на всех троих жен и детей приходилось ноль целых ноль десятых — что их как-то не особенно и печалило.)

Пропустив автобус, перешли на другую сторону — ну, а там метров через десять располагался «Ресторан «Пенёк», их любимое место вдумчивого распития алкогольных напитков. Место, правда, было бойкое, но, если там обособывались свои, с района, можно было в темпе присоединиться. В случае, если там обреталась превосходящая числом компания залетных, вариантов имелось два: либо пройти мимо и поискать другое местечко, либо пошукать по дворам подкрепление (что времени отняло бы мало) и залетных отсюда вышибить — но это работало только в том случае, если махаловка входила в вечернюю культурную программу. Уступавших числом залетных вышибали без церемонии, и они, ворча, уходили, превосходно зная правила игры.

Уютная была полянка, а посередине и в самом деле располагался широкий пенёк, по которому она и была названа еще в те времена, когда они фроляли¹ в пионерских галстучках. И на пенечке...

Вот это была ситуация чуточку нестандартная: на пенечке сидел невзрачный (а главное, незнакомый) мужичонка бичевского облика, баюкал в правой руке поллитровку «плодОВОвыгодного» и дымил каким-то веником². Что заставило троицу безразлично поморщиться: сами они предпочитали болгарские, а из советских в первую очередь те, что в твердых пачках, подороже.

Впрочем, и на такую жизненную коллизию давно имелся свой с винтом. Батуала просто-напросто рывкнул:

— Слинял отсюда на хер!

Как всегда, результат был обычным: мужичонка живенько смылся в чашобу, уронив докуренную до половины сигаретку. Давненько жил на белом свете и прекрасно понимал, что одинокому бичику никак не стоит задирааться в Диком

¹ Фролять — разгуливать.

² Веник — дешевые советские сигареты без фильтра (болгарская «Шипка» под это понятие не попадала).